важное значение имеет здесь критика обманщиков-дервишей, т. е. представителей религии.

Только очень немногие из авторов «восточных» повестей осмеливались направить сатиру против государя. Правда, отрицательные образы монархов иногда встречались (например, в повести «Три сына Аубовы»), но их пороки: жестокость, самовластие или такие «недостатки», как излишнее увлечение науками, воспринимались как «благородные», царские. Тем более выделяются произведения, где государь изображается без всякой почтительности. Так, в «Повести о Султане Торгул-Бек-Арсламе» [44] ее герой «предался нечувствительно лености, роскоши, всякого рода невоздержностям, особливо же пьянству»! [45] К тому же, он увлекся писанием стихов. Без обиняков этот государь называется «пьяным рифмачем». Критика «невоздержных» государей была в царствование Екатерины II весьма злободневна и намекала на нравы, царившие при русском дворе.

Поистине карикатурно нарисован образ монарха в повести Хераскова «Золотой прут».[46] Это оригинальное произведение стоит особняком среди «восточных» повестей. Боясь резкости своей сатиры, автор указывает, что повесть якобы переведена с арабского, а непосредственно перед самыми смелыми сатирическими картинами придворной жизни находит повод произнести панегирик Екатерине.

Герой повести Шах-Багем почитается благословенным, хотя единственное его достоинство заключается в том, что он мастер точить деревянные ложки. Его первый визирь Албекир славится тем, что несравненно плетет тонкие рогожки. И эти-то люди правят страной.

Следует обратить внимание на то, что образ Шах-Багема связан с повестью «Шах-Багам», напечатанной в 1779 году в «С.-Петербургском вестнике» без подписи и ссылки на перевод.[47] Герой последней повести тоже шах. За всю свою жизнь он получил представление лишь о двух вещах: о разбитой трубе и о пуговицах, которыми играл в детстве. Этот гротескный образ можно считать предшественником образов знаменитого крыловского «Трумфа». Автор говорит: «Дервиш научил его (Шах-Багама) выделывать из яблочных семечек мышей, чем шах и занимался до самой смерти, в то время как народ думал, что он занят важными госу-

---

[44] «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1790, май, стр 60; с пометой «Сия повесть взята из журнала Энциклопедического».

[45] Там же, стр. 61.

[46] М. Херасков. Золотой прут. Восточная повесть. Переведена с арабского языка.

[47] «С.-Петербургский вестник», 1779, ч. IV, стр. 346.